
ПРИБЛИЖЕНИЕ К ДРУГОМУ: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ «СОЛЯРИСА»

С.В. Рудановская

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Понимание Другого основывается на понимании «своего» и зачастую искажается и блокируется принятыми в культуре дефинициями, оценками и стандартами описания. «Солярис» С. Лема представляет «радикального Другого», который сопротивляется любым окончательным определениям, заключениям, классификациям. В статье рассматриваются различные модусы восприятия Соляриса (далекий — близкий, объект — субъект, отталкивающий — притягательный), которые в то же время отражают общие интенции и эмоциональный настрой человека разумного и, прежде всего, его глубоко укорененное желание покончить с Другим как с раздражающим фактором или угрозой существованию. Приближение к Другому интерпретируется как приближение человека к пониманию самого себя, своей личной истории (достижение уровня откровенности), а также как приближение к новому, почти невозможному, горизонтальному восприятию мира, где с Другим можно быть рядом несмотря ни на что, не пытаясь при этом сделать его управляемым, предсказуемым, безнадежно «своим» (достижение уровня экзистенциального признания Другого).

Ключевые слова: Другой, научная фантастика, «Солярис», С. Лем, язык повседневности, антропоцентризм, инструментальный разум, позиция наблюдателя, самосознание, пограничная ситуация.

ДРУГОЙ КАК ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Обыденное мышление, оперируя типичными моделями интерпретации действительности, если и допускает мысль о Другом, то скорее привносит в этот образ негативные значения или привычные штампы, позволяющие вписать Другого в знакомую систему значений. В повседневности на принципиально Другого нет времени. Другого целенаправленно ищут или ожидают люди, не укорененные в рутине существования, чьи интенции направлены к границам «своего».

С Другим встречаются (или Другого замечают) за пределами жизненного мира, очерченного повторениями, типизациями, господством естественной установки сознания, создающего презумпцию физической и психологической безопасности. Другой, вклинивающийся в этот естественный порядок, подрывает веру в гарантированность «того же самого», создает риски разрыва с прошлым, но одновременно привносит возможность обновления, интенсификации жизненного опыта.

Умозрительная или реальная встреча с Другим — точка бифуркации в любой биографии, завязка сюжета в любой приключенческой истории. Другой создает интригу. В каждой из своих многочисленных ролей (врага, чужака, безумца, Alter Ego, представителя других взглядов, идей или другого образа жизни) Другой — вызов размеренному существованию, мобилизующий человеческую активность, ресурсы, демонстрирующий возможности индивида или группы людей перед лицом неожиданного вопроса, препятствия, проблемы, новой среды.

Другой напоминает о динамике и разнообразии бытия, является исключением из правил, но одновременно претерпевает на себе власть норм и правил, существующих в обществе.

Другому, в том числе и воображаемому, литературному, всегда грозит перспектива перестать быть Другим и оказаться встроенным в привычные фреймы восприятия действительности, стандарты формирования сюжетных линий. В этом контексте Другой представляет собой средство для создания поверхностных эффектов новизны, свободы от того же самого. Без Другого невозможен сюжет приключения [3. С. 1], но одновременно в конце или по ходу приключения Другого разгадывают, фиксируют в той или иной понятной для читателя роли, заставляют говорить на привычном языке. Другой приключенческого жанра вносит в сюжет неопределенность, опыт удивления, временное незнание, ожидание всевозможного. Но в целом его судьба приближается к судьбе Другого в повседневности, он становится частью мира, согласующегося с изначальными представлениями читателей. Приключение ускоряет и уплотняет череду происходящего, но не подрывает веру в естественный порядок вещей, допускающий незначительные отклонения от нормы. На уровне литературного приключения в Другом видят модифицированного «своего», руководствующегося знакомыми мотивами, скрытыми за незнакомыми возможностями и неожиданными художественными коллизиями.

Научная фантастика как приключенческий жанр расширяет спектр нестандартных ситуаций за счет постулирования новых масштабов человеческой деятельности, распространяющейся за пределы биосферы и ее видового разнообразия.

К жанровым особенностям научной фантастики относится не просто изобретение необычной биографии или необыкновенного общества, но изобретение нового космоса, физически доступного человеческой колонизации, но герменевтически закрытого для человеческого понимания (1). Этот космос чреват постоянным риском встретить Другого, существующего независимо от человеческих проектов и потребностей, чей опыт адаптации к действительности и способы ее изменения принципиально отличаются от антропологических.

В то же время особенности жанра классического приключения не позволяют акцентировать внимание на существенных особенностях Другого, его автономном существовании, но скорее используют фигуру «монстра», «врага», «чужого», которого нужно нейтрализовать, или «друга», которого необходимо освободить для восстановления справедливости, нарушенного социального равновесия. Другой подтверждает силу человеческого характера, нерушимость человеческих ценностей, и в этом смысле никоим образом не изменяет представлений человека о действительности и сопровождающих ее идеалах.

Вместе с тем научная фантастика содержит в себе социально-критический посыл переосмысления ценностных ориентиров и социальных привычек, имеющихся в запасе у человека разумного. Присутствие Другого открывает глубокое расхождение между идеалами культуры и человеческими решениями, образом действий, между уровнем технической оснащенности цивилизованного человека и его изначальным незнанием в ситуации первобытного противостояния с нечеловеченной

природой. И здесь речь идет не только о приключении, но о мыслительном эксперименте, апробирующим лингвистические, когнитивные, волевые и моральные компетенции личности, проверяющим на прочность основания культуры и социальной идентичности.

Другой в научной фантастике обращает человека одновременно к самому к себе и границам собственного знания, к автоматизмам в восприятии окружающего, предрассудкам и стереотипам, свойственным виду в целом (2).

Отношение к Другому в этой связи становится откровением о самом важном, о человеческих ошибках и воли к власти, об исканиях и трансценденциях, свободных от абстрактных идеологем, о взрослении в смысле реалистического восприятия происходящего. Столкновение с Другим в чем-то напоминает переход от младенчески наивных представлений о себе и окружающей действительности к напряженному и драматичному процессу рефлексии, трансформации самосознания и стратегий интерпретации мира, в котором присутствует принципиально непознанное. Уникальным образцом подобного научно-фантастического повествования, воспроизводящего встречу с «радикальным Другим» [4. С. 108], непостижимым, но привлекающим бесконечно отодвигающейся в будущее возможностью познания и коммуникации, является «Солярис» С. Лема.

ДРУГОЙ КАК ОБЪЕКТ НАБЛЮДЕНИЯ

Солярис — далекий Другой, за которым наблюдает малая группа астронавтов. Более широкий круг ученых задействован в интерпретации собранного материала. Остальные, т.е. основная масса людей, знают о существовании необычной планеты как о факте, не мешающим размеренному течению их жизни. Другой вызывает или чисто теоретический интерес, или любопытство обывателей, встретившихся с необычным экземпляром в контексте ожидаемого космического разнообразия.

Факт существования Соляриса можно было бы сравнить с фактом существования любого другого редкого вида в пределах земной флоры или фауны, если бы не предположение о его разумности. Подобное предположение усиливает интерес к неизвестному объекту и, если и не приближает его к сфере существования *Homo Sapiens*, то, по крайней мере, вносит в наблюдение, как непосредственное, так и опосредованное, вопросы ценностного характера, связанные со статусом Другого по отношению к человеческому разуму. Далекий другой, обладающий признаками разумности, становится поводом для сенсаций и поспешных оценочных суждений: в нем видят либо совершенного человека — «гигантский мозг, обогнавший нашу цивилизацию в своем развитии на миллионы лет», «космического йога», мудреца, олицетворение всеведения, который уже давно понял бесполезность всякой деятельности», либо недочеловека — мутанта, «продукт дегенерации, регресса, который наступил после минувшей фазы „интеллектуального великолепия“».

Какой бы ни была оценка деятельности океана, в ней изначально содержался постулат о сопоставимости, соизмеримости Другого со «своим». Человеческая мысль в данном случае движется между двумя полюсами оценочной шкалы, экстраполируя на неизвестный объект антропоцентрические идеалы абсолютного знания и стремления к самосовершенствованию.

С точки зрения науки Солярис — идеальный объект для наблюдения, который не пытается скрыться, но находится в неизменном орбитальном движении. И вместе с тем это самый «долгий» Другой за всю историю человечества, который, даже попав в систему человеческих классификаций, является единственным представителем своей группы, т.е. по сути, остается неклассифицируемым объектом (об этом говорит и название класса, который создается специально для Соляриса, — «Метаморфа»).

Наблюдение за Солярисом осложняется тем фактом, что, оставаясь самим собой (т.е. океаном, омывающим всю планету), объект находится в постоянном процессе изменения, его биоплазменная поверхность каждый раз разрождается новыми формами. Явление «автометоморфозы» в определенной степени сопоставимо с проявлениями абсолютной индивидуальности, которая черпает пищу для своего развития в окружающем мире, при этом не подпадая ни под какие известные закономерности, сохраняя за собой статус исключения из правил.

Автометоморфоза — ничем не детерминированные превращения, лишаящие теоретического наблюдателя возможности обнаружить какие-либо константы, причинно-следственные связи, объясняющие происходящее. Автометаморфоза одновременно отсылает к автономности, самостоятельности, независимости от каких-либо внешних факторов или причин, и в то же время к непредсказуемости и спонтанности превращений, значение которых ускользает от теоретического наблюдателя. Единственная закономерность, перекрывающая все остальные закономерности, заключается в том, что океан не повторяется (и даже этот теоретический конструкт дает сбой при появлении на станции неустранимых «гостей»).

Солярис оказывается неразгаданным и молчаливым Другим, несмотря на огромное количество информации, собранное о нем не одним поколением исследователей. Не помогает и аппаратура, позволяющая проникать в глубины «умной плазмы» или улавливать массу электрических и магнитных сигналов, испускаемых океаном. Что бы человек ни предпринимал, он все равно остается лишь наблюдателем неизвестных явлений, которые не складываются в целостную картину смыслов.

Далекий Другой превращается в ускользающего Другого, проявления которого лежат на поверхности, но значение происходящего далеко не очевидно. «Но что все это значило? Может, это были сведения о мгновенном состоянии возбуждения океана? Может быть, переложенные на неведомый электронный язык выражения его вечных истин? Или произведения искусства? Или же импульсы, вызывающие появление его гигантских образований где-нибудь в тысяче миль от исследователя? Кто мог знать это, коль скоро не удалось дважды получить одинаковую реакцию на одинаковые сигналы? Если один раз ответом был целый взрыв импульсов, чуть не уничтоживший аппараты, а другой — глухое молчание? Если ни одно исследование невозможно было повторить?» [1].

В таких условиях позиция наблюдателя становится ненадежной и зависимой от настроений или капризов объекта, способного модифицировать инструменты познания, реагировать или не реагировать на те или иные воздействия. Любое до-

бытое знание, если исходить из предыдущего опыта, приходится признавать неполным, относительным, фрагментарным.

Вокруг Соляриса складывается традиция периодически радикально пересматривать результаты исследований, не приходя в конечном итоге к окончательным выводам, и эта традиция создает впечатление бесполезности, умозрительности, абстрактности познавательных действий исследователей, постепенно превращающихся просто в наблюдателей, регистрирующих знаки активности океана.

Воля к истине, или стремление получать знание, способствующее оптимальной организации жизни, управлению объектами, сталкивается с перспективой бесконечного приближения к объекту, механизмы действия которого должны быть вот-вот разгаданы, но остаются непознанными или познанными на уровне предельно общих выводов. «Действительно, были достигнуты определенные результаты. Океан — источник электрических, магнитных, гравитационных импульсов — говорил как бы языком математики» [1].

Познание сталкивается с конечным объектом, своими бесконечными превращениями не допускающим существование «нормальной науки» (Т. Кун), в рамках методологических принципов которой ставятся результативные вопросы и даются обоснованные ответы. Соляристика скорее напоминает собрание зарисовок, испытаний, возможностей, которые все вместе создают пространство неопределенности.

В свою очередь, именно затянувшаяся когнитивная неопределенность вызывает у части исследователей радикальное желание разобраться (или разделаться) с неудобным Другим раз и навсегда, подвергнув жесткому рентгеновскому излучению или атомной бомбардировке. Именно неопределенность, в которой «проедает» идея бесконечного технологического прогресса, постепенно способствует сокращению количества непосредственных наблюдателей на космической станции до нескольких человек.

Позиция разумного наблюдателя, вооруженного всеми современными инструментами считывания информации и воздействия на живые организмы, дает сбой, не приводит к ожидаемым результатам приращения знания (хотя новая информация поступает постоянно), перестает казаться привлекательной, статусной, надежной. Познавательные технологии оказываются бессильны перед объектом, изменчивым и изменяющим условия наблюдения. Представители дисциплин, специализирующихся на отдельных сегментах изучения непонятого целого, через какое-то время перестают понимать друг друга, увязают в особенностях научных терминологий, далеких не только от непосредственного наблюдения Другого, но и от общего поля человеческих значений.

Другой в целом показывает несостоятельность «своего», предстает как субъект, недоступный для рационального анализа, субъект в чем-то схожий с женским субъектом, неуловимым, «капризным», непредсказуемым (3). Как бы близко к нему не приближались астронавты в целях изучения, он все-таки остается «далеким», «чужим», не просто напоминающим о незаконченном познавательном проекте, но также о тупиках процесса коммуникации, до сих пор не начавшемся или находящемся в «подвешенном» состоянии.

ДРУГОЙ И САМОНАБЛЮДЕНИЕ

На протяжении всей истории исследования Соляриса о нем говорят, используя понятийный аппарат научной теории и образные ряды человеческой культуры. Проблема коммуникации с Другим видится как поиск совпадений: общего языка, значений, общих приемов обработки информации. Научное сообщество ориентируется на коммуникацию в пространстве идей без какой-либо потери жизненных оснований. Коммуникация в этом случае представляется приращением смыслов, возможностью прочтения новых сообщений с помощью умных технологий, основанных на специализированном знании. Однако Солярис оказывается не лингвистическим, но онтологическим Другим. Проблема заключается не в том, что он говорит на непонятном языке, а в том, что пространство его жизнедеятельности организовано в соответствии с иным чувством реальности. Спектр объектов, существующих для астронавтов, не существует для океана (в том числе и сами астронавты как автономные существа). И это уже не проблема перевода, интеллектуальной коммуникации, но проблема восприятия и видения, несовпадения системы жизненных координат, экзистенциального опыта (4).

Из объекта созерцания, разнообразящего впечатление наблюдателя океан превращается в генератор процессов, разрушающих основания человеческой реальности и угрожающих потерей здравого смысла. Безвыходность данной ситуации состоит в том, что негативность Другого проистекает не из злонамеренности его действий по отношению к виду *homo sapiens*, но из столкновения, сцепления несовпадающих взглядов, каждый из которых придерживается «своего» способа восприятия/конституирования действительности.

Другого как носителя особого сообщения, представителя самобытного образа жизни на станции нет. Есть ряд событий, «происшествий», указывающих на незаметную деонтологизацию окружающей обстановки, превращение физической реальности в подобие сновидения. Как и в мире сновидений происходит ослабление диктата реального: появляются существа, которых в действительности быть не должно, прошлое встраивается в настоящее, материя перестает оказывать должное сопротивление, все физические преграды приобретают условный характер.

Также как и в сновидении, индивид попадает в среду, где возможное сосуществует с невозможным, фантастическое с действительным. Пространство, созданное и управляемое человеком, более не является само собой разумеющимся, определенным, на него нельзя положиться, оно перестает быть в полной мере «своим». Привычный жизненный мир уподобляется лабиринту, в котором двигаются ощупью, наугад, боясь совершить нечто непродуманное. Также как в сновидении, человеку остается только наблюдать и переживать череду сцен, разворачивающихся без его участия или влияния (5). При этом в деонтологизированной реальности астронавтов отсутствует присущая сновидению «легкость бытия», возможность переключиться на другие образы, декорации, сменить место действия или проснуться. Напротив, деонтологизация, своеобразное развоплощение мира сопровождается ясным сознанием безвыходности создавшейся ситуации,

поскольку что бы человек ни предпринимал в надежде вернуть себе утраченный порядок, механически очистив его от знаков присутствия Другого, эти знаки («гости») возвращаются, свидетельствуя о фундаментальном, не иллюзорном нарушении структуры человеческого существования.

Присутствие Другого не влечет за собой явных катастроф (к чему можно было быть готовым), но производит ряд инверсий, психологических смещений, лишаящих индивида возможности ретироваться к личностному пространству, сохранить внутреннее равновесие — единственное, что остается тогда, когда ситуация выходит из-под контроля. Личностное пространство как возможность уединения, воздержания от общения есть непреходящее условие формирования осознанных отношений с Другим, гарантия сохранения собственной безопасности.

На станции, работающей вблизи Соляриса, личностное пространство оказывается «занятым» непрошенными гостями, объективированными образами прошлого, извлеченными из индивидуальной памяти исследователей и наделенными полуавтономным существованием, которое возможно только в пределах станции и только в непосредственной близости от астронавтов, обладателей этой памяти.

«Мягкие» вторжения гостей, не связанные с прямой агрессией, тем не менее, деструктивно действуют на человеческую психику, поскольку воплощают в себе «болевы точки», уколы бессознательного, которые невозможно проговорить, забыть, вытеснить из сознательной жизни.

Присутствие значимых фигур прошлого, почти не оставляющих астронавтов наедине с собой, воздействующих на все органы чувств, фиксируют их сознание на нерешенных межличностных отношениях, слабостях человека разумного, подтачивая позицию независимых наблюдателей изнутри. Происходит нечто вроде замыкания фокуса внимания на отдельных психологически сложных фрагментах личной истории, неустранимых из поля наблюдения. Личное пространство оказывается занятым произвольным наплывом субъективного, перестающего быть частью сугубо личного опыта.

Как правило, Другого не подпускают слишком близко, оставляя за собой право на недоговоренность, молчание, воздержание от откровенных признаний. Представление себя другому/другим — прерогатива активного субъекта, которой лишены герои повествования. Явление следов прошлого, извлеченных из памяти, — своеобразная автоматическая откровенность, не обусловленная никакими осознанными отношениями с другим существом. Благодаря этой автоматической саморепрезентации личностное пространство представителей *Homo Sapiens* оказывается вскрытым, «освоенным» без какого бы то ни было участия с их стороны.

Влияние Другого напоминает влияние психоаналитика, извлекающего подавленные желания из сферы непроговоренных неотрефлексированных импульсов, хотя в отличие от психоаналитика Другой не нуждается ни в признаниях человека, ни в последовательной их интерпретации. Другой не говорит, но схватывает то, что есть, минуя защитные механизмы сознания. Между сознательным и бессознательным индивида не оказывается никаких посредников, буферных зон, символов, неопределенности. «Но он вошел в меня неизвестно как, чтобы измерить

всю мою память и найти самое уязвимое место. Как же в этом можно усомниться? Без всякой помощи, без какой-либо „лучевой передачи“, вторгся сквозь дважды герметизированный панцирь, сквозь тяжелую броню станции, нашел в ней меня и ушел с добычей» [1].

Факты психологической жизни отчуждаются от человека, лишая его «своих» ошибок, испытаний, потерь — своей истории, что напоминает психологическую агрессию. Эффект захвата и присвоения усиливается благодаря тому, что значимые для человека фигуры личной биографии помещаются в среду, лишенную человеческих смыслов, безразличную к границам между внутренним и внешним, объективным и субъективным, живым и неживым, прошлым и настоящим. Более того, вырванные из органического целого человеческой памяти, эти фигуры символизируют не просто незащищенность человека, превращенного в объект наблюдения, но и его редуцированность до одного из фрагментов своего прошлого, до состояния травмы.

Неопределенный Другой, проявляющий фотографическую точность в психосоматическом копировании фигур бессознательного, лишает человека какой бы то ни было неопределенности, многообразия, «внутреннего времени», возможности погрузиться в себя. Если это и можно назвать пронизательностью Другого, то она выборочна и ведет к схватыванию лишь отдельных сторон человеческой личности, проявляющихся в единственно данных отношениях, которые невозможно ни продолжить, ни закончить. В этом смысле Другой не просто нарушает личностное пространство человека, но ограничивает его одной моделью коммуникации, повторяющейся до бесконечности.

Тем не менее, речь не идет о целенаправленном противостоянии или противодействии, свойственным человеческим отношениям. Другой угрожает не агрессивным выпадом против представителей другого вида, но их инкорпорированием в свою систему восприятия, где нет разделения на «внешнее» и «внутреннее», «объективное» и «субъективное», где нет отношения к другому, потому что другой предполагает чувство границы, дистанции. Соляристическое творчество, напротив, будучи изначально монологическим, построено на принципе аналитического «извлечения», вскрытия преград, детализированной проверки неизвестных объектов. Солярис в этом смысле — гипертрофированное отражение человеческой способности к объективации и отстраненному анализу.

Опыт чужого, с которым сталкиваются астронавты, это, прежде всего, опыт отраженного, объективированного «своего», лишенного исторического времени и зацикленного на «вечном возвращении» болевых точек индивидуальной биографии. Как это ни парадоксально звучит, но астронавты становятся невольными соучастниками построения чуждой им повседневности именно благодаря тому, что во что бы то ни стало стремятся остаться самими собой (6). Закрытая реальность повторений отражает устойчивые глубинные пласты человеческой психики, сгустки памяти, не развивающиеся со временем, но закрепленные в неизменном «заблокированном» виде в сфере бессознательного. Это фиксация на неразрешенных конфликтах прошлого, являющаяся объектом исследования психоанализа,

создает феномен неразрывной связи между человеком и его «гостем». Гости у каждого свои («Но что я увижу?! — Не знаю. В некотором смысле это зависит от тебя» [1]), но их невозможное и невыносимое присутствие — в стороне, но всегда рядом, несмотря ни на что, — общая проблема и реальность тех, кто находится на станции. Все они «вовлечены в кольцевой процесс» между глубинными структурами человеческого сознания, вытесненными из исторического времени, и отражающей силой Другого, не знающего временной перспективы.

Однако помимо процессов, отчуждающих человека от самого себя и не приближающих к Другому, на уровне индивидуального сознания, несмотря ни на что, разворачивается процесс сознательной ревизии аксиом личного опыта. Мир «вечного возвращения», как бы ни был он бесчеловечен, ограничивает человеческую экспансию (психологическую, пространственную), лишает безусловной самолегитимации, технологической и символической опоры в виде наработанных культурных стратегий манипулирования объектами. Единственной точкой опоры остается позиция наблюдателя, которую принимают уже не в качестве само собой разумеющейся привилегии, полагающейся в соответствии с образованием, знаниями, подготовкой исследователя, а в качестве последнего форпоста сосредоточения человеческого самосознания, реальности, позволяющей сохранить ясность мышления вопреки шизоидной обстановке.

На фоне «вечного возвращения» человеческая реальность представляется дискретной, точечной, сосредоточенной в отдельных иронических ремарках, откровенных разговорах, восстанавливающих утраченные смысловые или временные связи (пусть даже отрицательно характеризующие человека разумного). «Через некоторое время, — подумал я, — мы перестанем стыдиться друг друга и замыкаться в себе. Если мы не сможем избавиться от „гостей“, то привыкнем к ним и будем жить с ними, а если их создатель изменит правила игры, мы приспособимся и к новым, хотя некоторое время будем мучиться, метаться, может быть, даже тот или другой покончит с собой, но, в конце концов, все снова придет в равновесие» [1]. «Нет, сначала ты мне ответь. Улетишь с ней и, скажем, будешь свидетелем наступающей перемены. Через пару минут увидишь перед собой... — Ну что? — спросил я кисло. — Чудовище? Черта? Что? — Самую обыкновенную агонию... Что сделаешь тогда? Вернешься за... резервной» [1].

Это самонаблюдение есть одновременно воображаемая солидаризация с Другим, не принадлежащим человеческому миру и не испытывающему по отношению к нему никакого пиетета, и вместе с тем проговаривание (и изживание) собственных интенций, незаметно встраивающихся в бессмысленный мир повторений и поддерживающих его бессмысленность.

Другой, перекрывая формальную языковую деятельность, провоцирует героев на откровенность, «внутреннюю речь», диалоги, полные парадоксов и горьких истин, развенчивающих абстрактный образ человека разумного, но вместе с тем приближающих к опыту человека страдающего, незнающего, нелепого (в мучительных поисках своего настоящего образа). Этот человек одновременно смешон, поскольку постоянно возвращается к одним и тем же ошибкам, «идолам созна-

ния», и трагически одинок, продолжая говорить и размышлять, давать описания вещей, ходить в библиотеку в образовавшемся вакууме ничего не значащих (для Другого) слов и отношений.

Признания человека — признания того, кому нечего скрывать, не на кого производить впечатление, которому ничего не остается, как быть откровенным, обходясь без мелодраматических эффектов.

Стиль повествования от имени главного героя психоаналитика Кельвина приближается местами к стилю «Постороннего» А. Камю. Здесь та же фактическая точность при содержательной бессмыслице происходящего, та же скупость самовыражения, характеризующая состояние человека в пограничной ситуации, между жизнью и смертью, то же отстранение от «серьезной» реальности, приостановка веры в ее серьезность. Признания Кельвина напоминают признания «постороннего»: «Меня охватило какое-то пассивное безразличие. Я чувствовал себя так, будто всю эту ситуацию, нас обоих, все рассматривал с огромного расстояния в перевернутый бинокль: маленькое, немного смешное, несущественное» [1].

Однако «Посторонний» А. Камю следует принципу интеллектуальной честности, заставляющей сознательно и радикально воздерживаться от эмоционального участия в символических интеракциях, обесмысливает мир социального своими описаниями реальности, в которых всему человеческому, наигранному, искусственному нет места. Мир постороннего — это мир его взгляда, открытия, благодаря которому он утверждает себя в социальной действительности.

Герои Соляриса также следуют принципу интеллектуальной честности, которая заставляет признавать существование невозможного, нечеловеческого, но одновременно допускать неадекватность конечных вердиктов при догматичности человеческого восприятия и многообразии возможностей. В отличие от «постороннего», абстрагирующегося от своего мира, астронавты выступают в роли «гостей», переживающих кризис «исторической» идентификации, поскольку весь багаж знаний человечества, освоенный ими за всю сознательную жизнь, оказывается недостаточным для понимания Другого. И если в конечном итоге «посторонний» А. Камю постулирует гордое одиночество разума перед лицом нечеловеческой реальности, то «гости» Соляриса утверждают себя в поисках знаков коммуникации, в смирении перед сложностью действительности на фоне осознания полиразумности бытия (7).

ДРУГОЙ КАК ОСВОБОЖДЕНИЕ

«Солярис» — повествование, которое начинается и заканчивается незнанием. Незнание в начале истории действует раздражающе, уязвляет человеческое самолюбие, так как источник этого незнания — Другой, не вписывающийся в представления о разумном бытии, о стройной системе причинно-следственных связей. Незнание как дефицит знания провоцирует череду расследований, нацеленных на разоблачение мотивов, обманов, подлинной картины происходящего, это незнание разума, привыкшего рано или поздно восстанавливать любое нарушение состояния status quo, настаивать на своем. Незнание в конце — осознание границ

собственного знания, признание сложной действительности, не укладывающейся в существующие рациональные конструкции, превосходящей человеческое воображение.

Незнание как признание принципиально другого побуждает к герменевтическому самоустранению, приостановке центристских настроений (антропоцентризм, эгоцентризм), позволяющих замечать лишь узкий спектр существующего. Новое отношение к собственному знанию освобождает от «культурозависимости», чужих интерпретаций Другого, позволяет взглянуть на происходящее с чистого листа, без библиотек, приборов, заранее принятых объяснений, что и делает главным герой, когда отправляется к поверхности Соляриса, не имея никакой пред-заданной цели или обдуманной стратегии поведения.

Несколько мгновений непосредственного наблюдения после безрезультатного теоретического моделирования помогают Кельвину сосредоточить внимание исключительно на Другом, не абстрактном, гипотетическом, но живом, предстающим как данность, которую нельзя изменить или устранить, забыв о ней или дав очередное удобное название. Это отношение к Другому вне имен, слов, софизмов, вне инструментальной установки сознания, заставляет удивляться тому, что есть, и что раньше не попадало в сферу наблюдения: «Никогда я с такой силой не ощущал его исполинской реальности, чудовищного, абсолютного молчания» [1].

Незнание как отсутствие готового знания, вербального пред-понимания возвращает Другому независимость от языка человеческой культуры. Другой «молчит» в ответ на приостановку потока человеческих экстраполяций, направленных на ассоциативное достраивание картины мира, вытесняющее и сублимирующее опыт неизвестного.

Субъективно этот новый опыт описывается героем как «недоступное состояние неподвижности», но, тем не менее, здесь зарождается новая форма активности наблюдателя, когда он сопереживает живому существу, не зная о нем ничего, кроме того, что оно живое и в своей жизненной активности каким-то непостижимым образом отзывается на его самые сильные и глубокие жизненные впечатления. Другой не говорит и не выражает себя, обращаясь к человеку, но «оживает» в его восприятии, предстает как олицетворение жизни в ее природной первозданности, спонтанности и изобретательности, в которой отсутствует «воля к власти», целенаправленная жестокость, отрицание и ущемление других существ, но есть непреодолимая тяга к многообразию, новизне, постоянная готовность выйти за пределы наличного опыта, отсутствие механической предзаданности: «В зарождении, росте и развитии этого живого образования, в каждом его отдельном движении и во всех вместе проявлялась какая-то осторожная, но не пугливая наивность. Оно страстно, порывисто старалось познать, постичь новую, неожиданно встретившуюся форму и на полдороге вынуждено было отступить, когда появилась необходимость нарушить границы, установленные таинственным законом» [1].

Бескорыстное переживание Другого как существующего, свободное от человеческой заботы о себе, тем не менее не свободно от человеческой уверенности

в существовании смыслов, превосходящих объяснительные способности дискурсивного разума, но отвечающих общим принципам разумной действительности, берегающей нечто ценное в каждой жизни, в каждой искренней, в том числе неудавшейся, попытке коммуникации.

Присутствие Другого подтверждает неискоренимую склонность человеческого сознания к смыслополаганию, и, даже если смысл не распознается, утрачивается, сознание совершает скачок от «молчаливой» действительности к действительности «таинственной», от конкретного Другого к другому как жизни, которая не может в основе своей не быть созидательной, не вмещать новых позитивных возможностей.

Однако Другой — не только олицетворение жизни в процессе трансцендирования границ, но и олицетворение несовершенства отдельного живого существа, которое на первый взгляд представляется безграничным в своих возможностях.

Чувство благоговения перед огромным удивительным Другим сопровождается чувством сопереживания незнающему Другому, в которого невозможно верить, но с которым можно быть рядом.

Представитель Homo Sapiens не в состоянии встать на точку зрения «жидкого гиганта» (и возможно, никогда этого не сможет сделать), однако в своем кульминационном переживании он фиксирует условия существования, общие для всех живых существ, ни одно из которых не обладает совершенными коммуникативными компетенциями, абсолютным знанием, все проходят через периоды проб и ошибок, нелепых случайностей, все вольно или невольно находятся на положении «наивных» существ, чей жизненный опыт, каким бы ни был большим, сравним с детским опытом освоения действительности. Дистанция между человеком и Другим сокращается, когда Другой начинает восприниматься «горизонтально» как еще одно живое существо среди других, не «чистый разум», но разум, вынужденный адаптироваться к тем физическим условиям, в которые он поставлен: «Теперь я не только знал, но и чувствовал, что переливчато, жирно блестящие горбы и провалы раскинувшейся подо мной пучины двигаются не так, как морской прилив или облако, но как животное. Неустанные, хоть и чрезвычайно медленные судороги мускулистого нагого тела — так это выглядело» [1].

Приближение к живому, несовершенному Другому на протяжении всего повествования производит перестройку в человеческом самосознании, сопровождается переходом от прагматики управления вещами к пониманию необходимости того, что есть, от политики самозащиты к повторной самоидентификации. Другой освобождает от невидимой власти «своего», позволяет быть тем, кем быть среди себе подобных в технологически развитой цивилизации не уместно или бесполезно, т.е. быть незнающим, безоружным, парадоксальным (одновременно готовым к одиночеству и надеющимся на чудо), позволяет достичь той степени откровенности (прежде всего с самим собой), которая невозможна в условиях социальных коммуникаций, проникнутых расчетом (калькуляция выгод и потерь) и бесконечными опасениями поражений (вытеснение и подавление желаний).

Приближение к Другому сопровождается отступлением от завоеванных позиций, ограничением запросов инструментального разума на построение гомоген-

ной реальности. «Радикальный Другой» — не только угроза, но и выход для человека разумного, возможность освободиться (в мгновенных актах понимания, признания, откровенности) от «ложных идей», надуманных идентификаций, ловушек разума, тяготеющего к автономности, повторению и субординации в рамках идеально выстроенных (основанных на компромиссах, конвенциях, абстрактных принципах) систем восприятия действительности.

В определенной степени Солярис представляет собой универсального Другого, заставляющего пересматривать пространство «своего», заниматься «переоценкой ценностей». Но вместе с тем — это уникальный Другой, не знающий социального: отношений господства и подчинения, негативного опыта репрессивных отношений, компенсаторных стремлений возместить убытки и ущербы, причиненные в прошлом. Солярис действует вне сферы ролевой коммуникации: не играет никаких ролей, не конкурирует за лучшее место, не испытывает разлада между субъективным опытом и объективной реальностью, но при этом перебирает разные возможности моделирования и отражения существующего, ничего не скрывая, не подавляя, не вникая в сферу возможных конфликтов. Другой откровенен и обнажен, не знает никаких сдерживающих факторов извне, бесцеремонен в отношении ограничений, принятых здравым смыслом, в каком-то смысле первобытен: «В тишине было слышно шлепанье босых ног. Среди никелированных и пластмассовых аппаратов, высоких шкафов с электронной аппаратурой, точнейших приборов эта шлепающая, разболтанная походка казалась дикой шуткой какого-то ненормального» [1]. Будучи смертельно опасен, Другой в то же время притягателен, поскольку обладает раскрепощенностью, свойственной первоначальной неупорядоченности бытия, стихийному изобилию жизни, открытой сочетаниям и комбинациям всего, что есть, не знающей добра и зла, возможного и невозможного. Возвращение к Другому после конфронтаций и крушения социальных основ — возвращение к началам, к мифологическим временам, когда никакие модели поведения и мышления еще не были установлены раз и навсегда, когда повседневности (с ее однозначными определениями расстояний и преград) еще не было.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) С. Лем указывает на упрощение космоса во многих научно-фантастических произведениях, не принимающих во внимание неприступность, «ледяную суверенность» и «безразличие» космических пространств [6].
- (2) О проблематизации привычного порядка вещей и выявлении «онтологических привычек» человека разумного в научной фантастике пишет И. Чичери-Ронаи [3].
- (3) О женском начале Соляриса упоминает Е. Хелфорд [5. С. 5].
- (4) К. Мальмгрен интерпретирует встречу с Другим как «радикальное изменение», переход к принципиально другой реальности [7. С. 30—31].
- (5) Примечателен совет одного из астронавтов, Снаута, только что прибывшему Кельвину: «Если увидишь кого-нибудь другого, понимаешь, не меня и не Сарториуса, понимаешь, то... — То что? — То... Не делай ничего...» [1].
- (6) На сотворчество человека и Другого в явлении «гостей» как на знаки совершающейся коммуникации указывает И. Чичери-Ронаи [2. С. 10—11].
- (7) «Встать на позицию Другого — ограничить претензии собственного Я» [7. С. 25].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лем С. Солярис. Эдем. Непобедимый. М.: АСТ, 2003.
- [2] Csicsery-Ronay I., Jr. The Book is the Alien: On Certain and Uncertain Readings of Lem's Solaris // *Science Fiction Studies*, V. 12, N 1 (March, 1985). URL: <http://www.jstor.org/stable/4239658>.
- [3] Csicsery-Ronay I., Jr. Some Things We Know about Aliens // *The Yearbook of English Studies*, V. 37, N 2, *Science Fiction*, 2007. P. 1—23. URL: <http://www.jstor.org/stable/20479299>.
- [4] Freedman C. *Critical Theory and Science Fiction*. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 2000.
- [5] Helford E.R. "We are only seeking Man: Gender, Psychoanalysis and Stanislaw Lem's Solaris" // *Science Fiction Studies*, V. 19, N 2 (July 1992). URL: <http://www.jstor.org/stable/4240149>.
- [6] Lem S. Cosmology and SF // *Science Fiction Studies*, V. 14, N 2 (July 1977). URL: <http://www.jstor.org/stable/4239097>.
- [7] Malmgren Carl D. Self and Other in SF: Alien Encounters // *Science Fiction Studies*, V. 20, N 1 (March, 1993). P. 15—33. URL: <http://www.jstor.org/stable/4240211>.
- [8] Zizek S. *Event. Philosophy in Transit*. L.: Penguin Books Ltd., 2014.
- [9] Weinstone A. Resisting Monsters: Notes on Solaris // *Science Fiction Studies*, V. 21, N 2 (July 1994). P. 173—190. URL: <http://www.jstor.org/stable/4240332>.

APPROACHING THE OTHER: ESSAY ON "SOLARIS"

S.V. Rudanovskaya

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Understanding of Other depends on understanding of oneself and one's own culture and is often obscured and blocked by ready-made definitions, assessments and standards of description. "Solaris" by S. Lem represents an extraordinary, "radical Other" that cannot be caught or conquered with final words and conclusions. Various modes of perception of Solaris analyzed in this article (distant — close, object — subject, repulsive — attractive) reflects common intentions, emotional attitudes of homo sapiens, and, among them, a deep-seated desire to get rid of incalculable Other as an irritating factor and a threat to human existence. Approaching to Other implies approaching both to oneself (better understanding and straightforward awareness of one's personal history) and to almost impossible "horizontal" perception of the world where one can be with Other without attempting to make him/her manageable, predictable, hopelessly "one's own" (existential recognition of Other).

Key words: Other, science fiction, "Solaris", S. Lem, habitual language, anthropocentrism, instrumental reason, observer perspective, self-awareness, boundary situation.

REFERENCES

- [1] Lem S. *Solaris*. Moscow, 2003.
- [2] Csicsery-Ronay I., Jr. The Book is the Alien: On Certain and Uncertain Readings of Lem's Solaris // *Science Fiction Studies*, V. 12, N 1 (March, 1985). URL: <http://www.jstor.org/stable/4239658>.

- [3] Csicsery-Ronay I., Jr. Some Things We Know about Aliens // *The Yearbook of English Studies*, V. 37, N 2, Science Fiction, 2007. P. 1—23. URL: <http://www.jstor.org/stable/20479299>.
- [4] Freedman C. *Critical Theory and Science Fiction*. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 2000.
- [5] Helford E.R. “We are only seeking Man: Gender, Psychoanalysis and Stanislaw Lem’s Solaris” // *Science Fiction Studies*, V. 19, N 2 (July 1992). URL: <http://www.jstor.org/stable/4240149>.
- [6] Lem S. Cosmology and SF // *Science Fiction Studies*, V. 14, N 2 (July 1977). URL: <http://www.jstor.org/stable/4239097>.
- [7] Malmgren Carl D. Self and Other in SF: Alien Encounters // *Science Fiction Studies*, V. 20, N 1 (March, 1993). P. 15—33. URL: <http://www.jstor.org/stable/4240211>.
- [8] Zizek S. *Event. Philosophy in Transit*. L.: Penguin Books Ltd., 2014.
- [9] Weinstone A. Resisting Monsters: Notes on Solaris // *Science Fiction Studies*, V. 21, N 2 (July 1994). P. 173—190. URL: <http://www.jstor.org/stable/4240332>.